



Лучшая роль

Натали Носовой

текст | Ольга Кувичка
фото | из архива Натали Носовой

*Женщины
такие незащищённые
в этом мире, обострённо
всё воспринимают.
Они доверяют мужчинам,
надеются на них,
и, когда переживают
предательство,
в голове происходит
такая химия, которую
невозможно обуздать.*

Как всегда, захожу в этот уютный и совсем не официальный кабинет с чувством приятного предвкушения – здесь всегда принимают тепло и «угощают» очень интересными беседами. А если вдуматься, этот кабинет и есть самое глубокое закулисье театра «Самарская площадь», его святая святых. Ведь именно здесь задолго до того, как артисты появятся на сцене в премьерном волнении, рождаются те самые идеи, которые впоследствии воплощаются в наши любимые спектакли...

И вот захожу в кабинет и слышу что-то про антимонопольный комитет, федеральный закон, аукцион, закупки... Эти, вроде бы далёкие от искусства, слова, произносит в телефонном разговоре **Наталия Носова, директор театра «Самарская площадь»**. В строгом деловом платье с игриво повязанным шарфиком, эта элегантная молодая леди, известная нам по замечательным театральным ролям, на директора и не похожа вовсе, и только стальные нотки в голосе выдают в ней сильную женщину.
– И законы, и роли... Как же Вы запоминаете всё это? – искренне удивляюсь я.

– Да уже частенько путаюсь, – лукаво, как она умеет, улыбается **Наталия Юрьевна**. – Партнёры, бывает, за голову хватаются от моих вынужденных импровизаций.

– Импровизируйте, импровизируйте, – так и хочется воскликнуть. – Нам Ваших партнёров не жалко, пусть соответствуют...

А соответствовать, скромно выражаясь, есть чему. Приведу неполный список успехов актрисы за два последних сезона. **Роль лабрадора Трисона в моноспектакле «Я – Собака» принесла актрисе ряд наград – это и самарская городская театральная премия зрительских симпатий «Браво» в номинации «Лучшая женская роль», это и приз IV Международного фестиваля «Сказочный мир» (Москва) в аналогичной номинации.** Как успешная деловая женщина-руководитель **Носова** получила звание «Женщина года – 2013». Как активный общественный деятель приняла участие в Эстафете Олимпийского огня, которая прошла в нашем городе в самом конце прошлого года. И это всё параллельно с текущими делами, с ролью директора театра, с премьерными, гастрольными... Тут не обошлось без истинного таланта и, конечно же, без сильного характера.

ЛК: Если сравнить все Ваши образы, **Наталия Юрьевна**, то выходит, что **Вы** и на сцене играете исключительно сильных женщин...

Наталия Носова: А у Дробышева все героини сильные, не только мои. Он, видимо, чувствует в этом особенность нашего века.

ЛК: А может быть, это Ваше близкое присутствие рядом повлияло на его творческий выбор?

Н.Н.: Ну, я такой не всегда была. Это сейчас я стала сильной, а когда пришла в театр-студию, была кроткая и скромная, смотрела на Евгения Борисовича снизу вверх и внимала каждому его слову. Я всегда чувствовала, что он мудрее меня, образованнее, более музыкально эрудирован и, конечно, несравнимо более развит в профессии. Он был для меня Учителем, Мастером. И остаётся им до сих пор. Вообще, чтобы полюбить человека, мне обязательно надо стремиться за ним, восхищаться им. Как-то я априори всегда помню, что женщина создана из ребра Адама. Но это, конечно, обязывает мужчину тоже не стоять на месте и соответствовать.

ЛК: А как Вы попали в театр-студию к Дробышеву? Что Вас привлекло?

Н.Н.: Мечта стать актрисой, конечно! В нашем институте культуры в то время не было

актёрского отделения, а ехать в Москву и ночевать на вокзалах – такой смелости, как у многих, у меня не было. И материальных возможностей тоже не было. А тут в стране объявили театральный эксперимент и решили самоорганизацию театров (1987 год. – О.К.). Евгений Борисович тогда открыл театр-студию «Самарская площадь». И у нас, кто тогда пришёл к нему, появилась возможность, работая, получать актёрское образование. Сейчас из того состава никого не осталось уже, кроме меня и Владимира Лоркина (артист театра «Самарская площадь». – О.К.). Кстати, иногда приходится слышать, что мы якобы вышли из самодеятельности. Но это не была самодеятельность. Мы были студийцы и все в дальнейшем получили профессиональное образование и дипломы. А потом уже артисты в театр приходили с дипломами.

ЛК: Как счастливо сложилась у Вас актёрская судьба! Сразу нашли и свой театр, и своего режиссёра...

Н.Н.: Часто говорят, что я много играю, потому что муж – режиссёр, и что все роли у меня сплошь главные. Нет, совсем не так. Сейчас играю много, потому что зритель меня знает, идёт на меня, так что моё участие в спектаклях вполне оправдано. Прошлый, юбилейный, сезон вообще был у меня очень сложным, напряжённым, даже случился некий эмоциональный перерасход, если можно так выразиться. И сейчас Евгений Борисович меня немного разгружает, вводит на новые спектакли вторые составы. А вообще-то играла я не так много вплоть до открытия нашего здания. До этого поднимала театр и зарабатывала деньги.

ЛК: Если вспомнить всю галерею Ваших ролей, была у Вас самая близкая, любимая роль?



Н.Н: Время идёт, меняется восприятие образов. Раньше мне хотелось играть своих современниц, а сейчас ближе классика. И любимая моя роль сегодня – это Аркадина в «Чайке». Это материал, в котором можно бесконечно что-то открывать. И мне немного обидно, что молодые актёры относятся к нему как-то легкомысленно: вроде не очень-то получается – да и Бог с ним. Не доросли они до понимания Чехова, а ведь это такое богатство!.. Я очень люблю свою Аркадину, я её понимаю и принимаю. И защищаю всегда, когда её называют скупой. Хотя её такой и автор нарисовал, он несколько раз подчёркивает в тексте её скупость. Ей 42 года – это возраст, когда из героинь переходят в тётушки, а это тяжело для любой актрисы. Поэтому ей как можно дольше нужно сохранить форму. Опереться ей не на кого. Как ведёт хозяйство брат, мы видим, сын не работает, мужа у неё нет, рассчитывать на молодого любовника не приходится, она это понимает. И всё, что у неё есть, она заработала актёрским трудом. Поэтому она не разбрасывается своими сбережениями, они тяжело ей доставались. А то, что мало внимания уделяла сыну... Сейчас в этом люблю актрису можно обвинить.

ЛЖ: И Вас?

Н.Н: А что, думаете, я много времени уделяла детям? Мне повезло – свекровь жила рядом и занималась мальчишками. Люди исходят из обстоятельств. Если бы этого не было, дети росли бы за кулисами. А времени я сейчас внучке уделяю, наверное, больше, чем детям.

ЛЖ: Так ведь это естественно! Говорят, внуков любят больше, чем детей...

Н.Н: Похоже на то, – улыбается моя собеседница. – Совершенно откровенно могу сказать, что сейчас самая большая радость для меня – это внучка. Раньше у нас в доме были одни мужчины, включая кота. А теперь нас, девочек, стало больше! Теперь в наших рядах сноха Леночка, внучка Катя и кошка Алиска. Правда, мы живём отдельно, но это не важно, всё равно рядом, часто видимся, собираемся вместе. И вот когда ма-

ленькая девочка появилась в семье, это была такая сильная новая струя в нашей жизни! Всегда стараюсь находить время для общения с ней, даже если очень занята, прошу привести её хотя бы на ночь. Мы с ней выполним все свои ритуалы – сначала она сходит с дедом почистить зубы, потом мы с ней ляжем спать и я обязательно расскажу ей или сказку, или историю. Есть у нас с ней и свои секреты – мы втайне от деда летаем по ночам в разные страны. А бывает, они с дедом допоздна чем-то занимаются, а я очень устала и говорю ей: «Задержишься – меня не тревожь!». А она в ответ: «Это что, сказки не будет?» (смеётся). Я бабушка, которая сказки на ночь рассказывает.

ЛЖ: Гордо звучит!

Н.Н: Стараюсь (смеётся).

ЛЖ: На недавней премьере спектакля «Пришёл мужчина к женщине» я видела Вашего сына с семьёй. Заставили Вас поволноваться?

Н.Н: Всегда очень приятно, когда дети приходят в театр, но ни в излишнее волнение, ни в расслабление они меня не вводят.

ЛЖ: В этом спектакле, кстати, Вы создаёте ещё один образ сильной женщины...

Н.Н: Да, героиня там действует по принципу «Женщина, помоги мужчине» (смеётся). Она активно атакует героя, но цель у неё серьёзная – она хочет не просто какого-то мужчину рядом, она хочет соединиться с ним, чтобы жить. Чтобы без лишних этапов, без разводов. Она вообще серьёзна до смешного. А как мы репетировали, об этом можно отдельный спектакль поставить. Автор – мужчина, режиссёр – мужчина, партнёр – мужчина, и, как выяснилось, они ничего не знают о женщинах.

ЛЖ: Вот как! Наверное, в мужском спектакле «Тестостерон» все мужчины театра «Самарская площадь» отвели душу, выразив аналогичное мнение о женщинах...

Н.Н: Наверное. Вообще это очень хороший спектакль по пьесе польского драматурга Сарамоновича, интеллектуальный и очень грамотно построенный.

ЛЖ: И актуальный.

Н.Н: Да! Мы же не будем говорить, будто нас не интересует, что же такое любовь – чувство или гормональный выброс.

ЛЖ: В «Тестостероне» Вы не участвуете как актриса и наверняка иногда смотрите этот спектакль из зрительного зала. В своём театре Вы благодарный зритель или строгий?

Н.Н: Вообще я не так часто смотрю наши спектакли. Это Евгений Борисович смот-



Время идёт,
меняется
восприятие образов.
Раньше
мне хотелось
играть своих
современниц,
а сейчас
ближе классика.

Как приятно, когда на 101-м
спектакле зал долго
не отпускает тебя стоя!

рит практически все, когда не в отъезде. А я, если сама не занята в роли, пользуюсь моментом и либо занимаюсь директорскими делами, либо просто отдыхаю, потому что не так много бывает в последнее время свободных вечеров. Но когда смотрю, зритель я испорченный. Одним глазом отмечаю, как воспринимают происходящее люди, а другим замечая недостатки. А потом говорю о них, чтобы можно было поработать над ними, исправить. Не как директор говорю, а как старший товарищ, как человек, который много лет в профессии. И всегда волнуясь, когда смотрю спектакли. Особенно когда на сцене молодые артисты – какие бы они ни были гениальные, у них ещё нет опыта. Да и с ремеслом всё чаще пробелы у молодых. Ремеслом-то надо владеть – говорить чётко, ходить тихо и т.д. Иногда, бывает, топот на сцене такой стоит, что ничего кроме не слышно. Говорю им – вы слышали, чтобы Людмила Суворкина (артистка театра «Самарская площадь». – О.К.) в 70 лет топала на сцене? Почему сейчас в академии этому не учат, не понятно. Ребята приходят талантливые, хорошие, но ремеслом не всегда владеют.

ЛК: Вот Вы рассказывали о том, что начинали студийцами. Видимо, в этом есть большое преимущество – в овладении театральным искусством не только в теории, но и на практике, как бы варясь в этой творческой каше.

Н.Н.: Да, безусловно, в этом есть свой плюс. Мы её как тогда заварили, эту кашу, так до

сих пор и варимся (*смеётся*). Вспомнился сейчас случай. Не так давно мы играли 101-й раз спектакль «Богатые невесты». И зал встал! Вообще-то в нашем театре часто зрители приветствуют артистов стоя, зритель-то у нас свой, выращенный за столько лет. Но в этот раз встали как на премьерке, все как один. Я даже написала в соцсетях: «Как приятно, когда на 101-м спектакле зал долго не отпускает тебя стоя!».

ЛК: А я ещё добавлю – как приятно, что в наш прагматичный век люди ходят в театр и любят театр!

Н.Н.: Это точно. Как-то была на радио, и в эфир позвонила старушка и говорит: «Хватит строить храмы! Лучше бы нам театр на Безымянке построили!». Я даже не нашлась, что ответить. Всё-таки и то, и другое важно. Но как-то греет душу, что это упомянуто в одном ряду.

ЛК: И то, и другое – о вечном...

Н.Н.: Да, и у нас в репертуаре есть вещи, которые заставляют об этом задуматься. Это, например, «Долгий рождественский обед» Уайлдера. Это такая притча, которая позволяет посмотреть на себя, на свою жизнь как бы извне и, может быть, что-то понять. Или моноспектакль «Я – Собака» по книге Михаила Самарского «Радуга для друга». Это добрый, искренний монолог собаки-поводыря по имени Трисон. Собака – это существо, которое любит безо всяких причин, любит безусловно, чего взрослые люди практически лишены. И потому говорит он без всякого лукавства то, что думает. Я даже не знаю, где в человеческом образе подобное можно найти. Мышкин в «Идиоте»?.. И зрителю очень нравится «Собака», зритель идёт и идёт, радуется и плачет. У меня такого успеха, мне кажется, и не было раньше.

ЛК: А роль-мечта у Вас есть?

Н.Н.: Мне очень понравился моноспектакль. Это, конечно, большой труд, большие затраты – я весь первый сезон по два килограмма веса на каждом спектакле теряла. Но «Собака» – это всё же своеобразный материал. А вот если бы женский монолог, как Гришковец для мужчин пишет, просто и в то же время пронзительно, вроде бы о сокровенном, но близком для всех... Мне кажется, у меня получается контакт со зрителем, мне хотелось бы вот так, с глазу на глаз, поговорить с ним. Но подходящего материала пока нет. Правда, я зарубежную драматургию не так много читаю, может, стоит поискать самой. Мы же мой юбилей пропустили (в 2013 году актриса отметила 50-летие. – О.К.),



как говорят друзья, «зажали» (*смеётся*). Но право на бенефис у меня осталось, и хотелось бы, чтобы это был спектакль, который потом будет жить. Есть у меня одна роль в голове, которую я мысленно на себя примеряю. Не знаю даже, какого автора, этот сюжет многие использовали. Это Медея. Коли уж играть сильную женщину, то во всех её проявлениях. Тут женщина зрелая, но ещё живая, у неё ещё болит... Пожалуй, Медея даже поинтереснее, чем Каренина, которая тоже не справилась... Женщины такие незащищённые в этом мире, обострённо всё воспринимают. Они больше доверяют мужчинам, больше надеются на них, и, когда переживают предательство, в голове происходит такая химия, которую невозможно обуздать. Спокойные роли мне уже не так интересны, потому что я знаю, как их играть. Как играть «Пришёл мужчина к женщине», я знаю, я могу примерить это на себя, я и сама такая же в каких-то моментах, и мои подруги такие же. Как играть Аркадину, я понимаю, потому что я тоже актриса, тоже мать, и мне тоже за 40. А вот Медею до конца понять невозможно. – Детей не убивала, – без тени улыбки замечает заглянувший в кабинет Евгений Бори-

Совершенно откровенно могу сказать, что сейчас самая большая радость для меня – это внучка.

сович ДРОБЫШЕВ, такой вот шутник.

– Как ради любви к мужчине можно пойти на такой шаг? – не обратив внимания на «шпильку» мужа, продолжает размышлять Наталья Юрьевна. – И любовь ли это? Или эгоизм? И насколько больно может быть предательство? Поставить это не просто, должна родиться какая-то идея...

...Пожалуй, здесь я оставляю эту удивительную театральную семью. Ведь рождение Идеи – таинство, которое не терпит любопытства посторонних... Лучше подожду вместе с вами, дорогие читатели, когда в зрительном зале театра «Самарская площадь» вновь погаснет свет, и на сцене появится она, Идея, рождённая и уже воплощённая в новом невероятном спектакле...

